

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В СОСТАВЕ НАЗВАНИЙ ТРАНСПОРТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКОТА
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ***

**Turkic-Mongolian Lexical Parallels within the Names of Transport Use of Livestock
in the Mongolian Languages**

В. И. Рассадин (V. Rassadin)¹, Л. Болд (L. Bold)²

¹ доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Chair of Kalmyk and Mongolian Languages, Head of the Scientific Center for Mongolian and Altaic Studies at Kalmyk State University). E-mail: rassadin17@mail.ru.

² академик АН Монголии, директор Института языка и литературы Академии наук Монголии (Academician of the Academy of Sciences of Mongolia, Head of the Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences). E-mail: b.khaliunaa@yahoo.com.

В данной статье речь идет о тюрко-монгольских лексических параллелях, имеющихся в пласте лексики монгольских языков, касающемся использования домашних животных в транспортных целях. Рассматриваются термины, касающиеся лошадей и верблюдов, используемых для езды верхом и перевозки грузов на телеге и во вьюках. Этимологический анализ выявленных тюрко-монгольских параллелей показал их тюркское происхождение, что явилось свидетельством древних контактов монгольских племен с тюркскими и тюркского влияния на них.

Ключевые слова: тюрко-монгольские лексические параллели, транспортные животные, лошадь, верблюд, верховые сёдла, вьючные сёдла, детские сёдла, телега, оглобля, верблюжье вьючное седло, древние тюрко-монгольские контакты, древние тюрко-монгольские культурные контакты.

The article is devoted to the issue of the relationship of the Mongolian and Turkic languages, which arouses interest of comparativists dealing with the Altaic hypothesis. This issue has long been disputed and still remains unresolved. There are two mutually exclusive points of view concerning the hypothesis. Supporters of Altaic, sometimes called «Altaicists», view the similarities within the Altaic language family as arising from a proto-Altaic language spoken several thousand years ago. Opponents maintain that the similarities are due to areal interaction between the language groups concerned. Being not adjacent to any of the two points of view, the authors aim to reveal the true nature of the distinguished common Turkic-Mongolian lexemes and verify the validity of both points of view through the analysis of the new lexicographic materials and recent comparative-historical researches in the field of Turkic and Mongolian languages including the comparison of specific lexical materials. The authors focus their attention mainly on a specific thematic group and take into account only four main Mongolian languages — old Mongolian, Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk in order to see how deeply these Turkic terms entered into the Mongolian languages, and how widely they are represented there.

Keywords: Turkic-Mongolian lexical parallels, transport animals, horse, camel, riding saddles, pack-saddles, saddles for children, cart, shaft, camel pack-saddle, the ancient Turkic-Mongolian contacts, the ancient Turkic-Mongolian contacts.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м)

Актуальность данной статьи определяется необходимостью решения проблемы существования тюрко-монгольской лексической общности в контексте тюрко-монгольского гипотетического праязыка и установления характера этой общности, предопределённой либо генетически, либо древними контактами тюркского и монгольского этносов.

Цель научной статьи: рассмотреть тюрко-монгольские параллели, представляющие собой названия транспортного использования скота в монгольских языках.

Методика: В статье применены методы сравнительно-исторического анализа лексики с привлечением семантического метода исследования алтайских языков. С применением метода этимологического анализа выявленных общих лексем установлены их праформы, и данные языки сопоставлены на уровне этих праформ.

Результаты: исходя из представленного в научной статье материала, можно заключить, что древние монголы, переселившись в пределы Центральной Азии и впитав часть тюркского этноса, усвоили у тюрков более сложное устройство верхового седла и некоторые типы выючных седел, от тюрков же получили понятие о колесном транспорте и перевозке грузов на верблюдах, о чем свидетельствуют тюркские этимологии многих терминов.

Дискуссия. Как известно, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки отнесены к классическим алтайским языкам, предположительное родство которых изучается уже почти 300 лет, начиная с Т. Страленберга [1730]. Ученых давно поразило наличие большого количества общих элементов в этих языках, что породило гипотезу о происхождении их от когда-то бытовавшего алтайского праязыка. При дальнейшем, более подробном, изучении этой гипотезы выявилась наибольшая общность между тюркскими и монгольскими языками, что, кстати, дало основание в одно время предполагать существование в прошлом гипотетического тюрко-монгольского праязыка. Так, один из классиков алтаистики, В. Л. Котвич, в своем труде «Исследования по алтайским языкам» [1962: 351] утверждал, что между тюркскими и монгольскими языками имеется около 50 % общих элементов в грамматике и около 25 % в лексике. Это достаточно существенное сходство. К сожалению, В. Л. Котвич, как и другие

алтаисты, не оставил списка алтайских соответствий, в том числе тюрко-монгольских параллелей, хотя это представляет собой актуальнейшую задачу алтаистики, причем весьма большое научное значение имеет распределение общей алтайской, а особенно общей тюрко-монгольской лексики, по тематическим группам, чтобы определить степень глубины взаимовлияния этносов. Поэтому в данной статье, восполняя наметившийся пробел, мы поставили своей целью рассмотреть тематическую группу тюрко-монгольской лексики, относящуюся к хозяйственному использованию домашних животных, конкретно — транспортного направления. Актуальность статьи и ее научное значение не вызывают сомнения.

При исследовании мы применяли хорошо себя зарекомендовавшие и достаточно апробированные сравнительно-сопоставительный и этимологический методы.

В качестве материалов по современным монгольским языкам привлекались халха-монгольский, бурятский и калмыцкий языки — языки естественного традиционного исторического развития, имеющие собственную литературную письменную форму — а также старописьменный монгольский классический язык как наиболее архаичный из всех монгольских языков. По всем этим указанным монгольским языкам в настоящее время имеются достаточно полные словари: 4-томный «Большой академический монгольско-русский словарь» [Т. I, II, III, 2001; Т. IV, 2002], 2-томный «Бурятско-русский словарь» [2010], «Калмыцко-русский словарь» [1977], «Калмыцко-немецкий словарь» Г. И. Рамстедта [1935], «Монгольско-русско-французский словарь» О. Ковалевского [1844], «Монгольско-английский словарь» Ф. Лессинга [1960]. Тюркский лексический материал привлечен из «Древнетюркского словаря» [1969], в котором отсутствуют массовые монголизмы, хлынувшие в тюркские языки в период монгольской экспансии. Кроме того, общетюркские и межтюркские слова, их праформы и этимологии приведены из «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортыяна [1974], а также из «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [2001].

Относительно транспортного использования домашних животных древними монголами следует сказать, что ими использовались главным образом лошади и

верблюды. В горных северных районах отмечалось наряду с ними использование домашних северных оленей и яков (сарлыков), на которых ездили верхом и возили во вьюках грузы, но при этом для оленей и яков употреблялись те же верховые и вьючные седла, что и для лошадей, поэтому выделять отдельно оленей и яков в особую группу мы не будем.

Как известно, лошадь у многих народов является одним из древнейших домашних животных, которое помогло этим народам освоить обширные степные пространства. За время своего исторического развития как тюркские, так и монгольские народы выработали разветвленную половозрастную терминологию относительно лошади. Это касается и терминов, относящихся к транспортному использованию лошади у тюркских и монгольских народов. Прежде всего лошадь издревле использовалась для верховой езды и для перевозки грузов во вьюках. При этом следует отметить, что верховое конское седло в монгольских языках называется примерно одинаково: стп.-монг. *emegel*, х.-монг. *эмээл*, калм. *эмэл*, бур. *эмээл*. Это слово не имеет параллелей в тюркских языках – ср. др.-тюрк. *edär // edär* «верховое седло», а также фонетический вариант *эжэр*, представленный во многих современных тюркских языках, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 539–540]. Монгольская словоформа в ее более архаичном варианте *emegel*, зафиксированном в старомонгольском языке, совпадает скорее с тунгусо-маньчжурским названием седла *эмэгэн*, представленным, например, в эвенкийском языке и имеющим в генезисе тунгусо-маньчжурский глагольный корень *эмэ* = «ехать».

Не имеют аналогов в тюркских языках также названия узды, которая в стп.-монг. называется *qajayar*, в х.-монг. и бур. *хазаар*, в калм. *хазар*; поводьев, именуемых в стп.-монг. *jilyya*, в х.-монг. и бур. *жолоо*, в калм. *жола*, а также стремян, которые в стп.-монг. называются *dörüge*, в х.-монг. *дөрөө*, в бур. *дүрөө*, в калм. *дөрә*. В тюркских языках представлены, соответственно: др.-тюрк. *jügün* «узды», *tin, tin tizgin*, к которым в древнетюркском словаре дан перевод «узды», хотя в действительности эти слова означают «поводья», *üzäñü* «стремя», эти же термины широко представлены в этом же облике и в современных тюркских

языках, являясь исконно тюркскими, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 548; 556–557].

Среди названий конской сбруи, представленных в монгольских языках, тюркские параллели имеются лишь у слов х.-монг. *хөмөлдэрэг*, бур. *хүмэлдэргэ*, стп.-монг. *kömlüdirge* «нагрудный ремень верхового седла при езде по горам»; х.-монг. *хударга*, бур. *хударга*, калм. *худрһ*, стп.-монг. *qudary-a* «подхвостная шлея верхового седла»; х.-монг. *олом*, бур. *улам*, калм. *олһ*, стп.-монг. *olung* «подпруга», ср., соответственно, др.-тюрк. *kömlüdirük* «нагрудный ремень седла лошади» (от др.-тюрк. *köñül* «сердце»), *qudurıq, qudrıq, qudrıq* «хвост» (тюркское слово, лежащее, по нашим предположениям, в генезисе монгольского *qudary-a*, явного тюркского заимствования). В современных тюркских языках, как утверждает «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 549; 552; 553], широко представлены термины *kömlüdirük ~ köñüldürük* «нагрудная шлея», *qudurıun ~ qudurıan* «подхвостник», *qolan ~ olañ ~ qolañ* «подпруга».

Калмыцкое *көвүг* «седельная подушка» является параллелью к др.-тюрк. *köpçük* «передняя и задняя подушки седла». Слово широко представлено в тюркских языках в виде *kөпчүк~көпчик~көпшик* «подушка седла», о чём свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 547–548], где приводится его тюркская этимология.

Если рассмотреть названия предметов, используемых при седлании лошади, то увидим, что, хотя х.-монг. *тохом*, бур. *тохом*, калм. *тохм*, стп.-монг. *toqum* «потник, кусок войлока, подкладываемый на спину лошади под седло» и имеют параллель в виде чагатайского, туркменского диалектного, киргизского, алтайского диалектного, уйгурского *тоқум*, кара-калпакского, казахского, шорского *тоқым*, узбекского *тоқим*, башкирского *туқым*, уйгурского диалектного *тоқам* «потник из войлока; чепрак», как утверждает «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 544–545], это тюркское слово заимствовано из монгольских языков, о чём свидетельствует та же грамматика [2001: 545]. Хотя морфологическая структура данного тюркского слова и представляет собой общетюркский тип, в тюркских языках от-

сутствует соответствующая производящая глагольная основа, которая широко представлена в монгольских языках: ср. стп.-монг. *toqu* =, х.-монг., бур. *тохо* =, калм. *тох* = [*тохы* =] «осёдлывать, накладывать седло на спину лошади».

У стп.-монг. *keĵim* // *kijim*, х.-монг. *хэжим* // *хижим*, бур. *хэжэм* «чепрак», калм. *keĵim* [Ramstedt 1935: 222] «чепрак» праформа восстанавливается в виде **kedim*, из которой и развилась эта монгольская форма, поскольку в определенный исторический период в древности в монгольских языках произошел переход слога **-di-* в *-ji-*. Монгольская праформа **kedim* соответствует др.-тюрк. *kedim* «одежда, одеяние» < др.-тюрк. *ked* = «надевать» и является явным тюркским заимствованием. Этого же мнения придерживался и Г. Рамстедт [1935: 222]. Бытующее в некоторых тюркских языках слово *keĵim* «чепрак, попона» является монгольским заимствованием, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 546]. Здесь тюркское слово как бы возвращается обратно в тюркские языки, но уже в монголизированной форме, что является обычным для тюрко-монгольских параллелей.

С монгольскими словами х.-монг. *янгуа*, *янгиурцаг*, калм. *яңрцг*, стп.-монг. *janggirĉau* «вьючное седло», бур.-окин. *янгарсаг*, *янгарцаг* «вьючное седло для домашнего северного оленя, вола или яка» [Рассадин 1996: 215] следует сопоставить тюркское слово *ынгырчақ* «вьючное седло; седёлка» [Севортян 1974: 658–659], распространенное в современных тюркских языках, здесь же утверждается их исконно тюркское происхождение. Чувашское *йенер*, якутское *ыңыр* «седло» свидетельствуют о древности этого слова в тюркских языках, *-чақ* осмысляется как тюркский уменьшительный аффикс. Отсутствие этого слова в древнетюркском словаре в данном случае не следует трактовать как его отсутствие в тюркских языках.

Детское седло с высокими луками, предназначенное для перевозки детской колыбели и малолетних детей, называемое в х.-монг. *эрвэлж*, калм. *эрвэлжн*, стп.-монг. *erbelĵin* можно сопоставить со словом *эримгэш* «седло, предназначенное для перевозки колыбели и маленьких детей», представленным в тюркских языках саянской группы таежного ареала — тофаларском,

уйгуро-цаатанском и сойотском языках [Рассадин 2012: 150]. Здесь такое же соотношение звуков *-lj-* монгольских языков и согласного *-š-* тюркских языков, как в тюрко-монгольских параллелях типа стп.-монг. *qoryulĵn* // тюрк. *qoryaşin* «свинец», монг. *elĵigen* // тюрк. *eşäk* «осёл». «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 540] с этим тюркским словом сравнивает также кирг. *ajyrmaĉ* ~ *ajyrmaš*, возводя его к тюркскому глаголу *ajr* = «разделять, отделять».

С лошадьё также связано использование и колесного транспорта: так, х.-монг. *тэрэг*, бур. *тэргэн*, калм. *тергн*, стп.-монг. *tergen* «телега, повозка» имеет параллель в др.-тюрк. *tergän* «телега». Это слово в современных тюркских языках имеет очень ограниченное распространение и считается заимствованием из монгольских языков. Х.-монг. *арал* «оглобля», зап.-бур. *арал* «телега, арба», калм. *арш* «дышло, оглобля», стп.-монг. *aral* «оглобля» может быть сопоставлено с тюркским словом *арыш* «оглобля, дышло», широко представленным в тюркских языках, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 555–556], здесь же говорится о связи с тюркским *арыш* монгольского термина *арал* «оглобля».

Х.-монг. *хөлөг* «лошадь, экипаж, скакун», *хөллөх* «запрягать, впрягать», *хөлөлөг* «лучший конь, аргамак», *хөллөлгөө* «упряжь», соответственно, стп.-монг. *kölge* «лошадь, экипаж, скакун», *köllükü* «запрягать, впрягать», *kölüglig* «лучший конь, аргамак», бур. *хүлэг* «аргамак, рысак», *хүллэхэ* «запрягать, впрягать», калм. *көлгн* «средство передвижения; транспорт», *көллх* «запрягать, впрягать» следует сопоставить с др.-тюрк. *kölük* «вьючное животное» и с глаголом *köl* = «запрягать». Халхаское *хөлөг* и бурятское *хүлэг* «аргамак, рысак, славный конь» можно возвести к древнетюркскому *külig at* «славный, знаменитый конь», в основе которого лежит др.-тюрк. *kü* «молва, весть».

С лошадьё также связано действие спутывания ее передних ног, чтобы она далеко не ушла при пастьбе. В монгольских языках это действие называется *туших*, «опутанные передние ноги лошади» носят название *тушаа*, причем одинаково во всех современных монгольских языках. В старописьменном монгольском языке этот глагол на-

зывается *tuš*°, а пути носят название *tušaya*, что соответствует древнетюркским *tuša*° «путать, надевать пути» и *tušay* «пути, надеваемые на передние ноги лошади».

С верблюдом связана перевозка грузов во вьюках. Это обычное, кроме лошади, транспортное животное степных, полупустынных и пустынных районов Центральной Азии. Имеющееся во всех монгольских языках: х.-монг., *хом*, бур. *хом*, калм. *хом*, стп.-монг. *кот* «вьючное верблюжье седло» — в древнетюркском языке может быть сопоставлено со словом *qot* «верблюжье вьючное седло». О распространении этого слова в тюркских языках и его связи с монгольским термином свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 541]. С верблюдом связан также верблюжий повод, прикрепляемый к носу верблюда и называемый во всех монгольских языках *бурантаг*. Это слово имеет в своей основе тюркскую лексему *burun* «нос».

Таким образом, исходя из представленного выше материала, можно заключить, что древние монголы, переселившись в пределы Центральной Азии и впитав часть тюркского этноса, усвоили у тюрков более сложное устройство верхового седла и некоторые типы вьючных седел, от тюрков же получили понятие о колесном транспорте и перевозке грузов на верблюдах, о чем свидетельствуют тюркские этимологии многих терминов.

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А - Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д - О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. Ф - Ц / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. Ч - Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. Том I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во «Республик. тип.», 2010. 636 с.
- Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. Том II. О-Я. Улан-Удэ: Изд-во «Республик. тип.», 2010. 708 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Рус. яз.», 1977. 765 с.
- Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 373 с.
- Рассадин В. И. Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 217 с.
- Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012, 156 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-francais. Kasan, 1844.
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkley and Los Angeles, 1960. 396 p.
- Ramstedt G. J Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen sewa, 1935. 560 p.
- Strahlenberg Gh. J. Das nord und östliche Theil von Europa. Stocholm, 1730. 368 p.